

УДК 323.1 (985) (470.1/2):574.4 (211)

Магомедов А. К.

Ульяновский государственный университет

432000. г. Ульяновск, ул. Льва Толстого, д. 42, Российская Федерация

ИНДИГЕННОСТЬ КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА: К ПОНИМАНИЮ ПРИРОДЫ АБОРИГЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ В РОССИЙСКОЙ АРКТИКЕ

АННОТАЦИЯ

В статье предпринимается попытка ответить на вопрос об «особых» интересах коренных народов российского Севера. Критическому анализу подвергаются существующие подходы к исследованию данной проблемы: репрезентативно-политический и нормативно-правовой. Автор доказывает, что ключевой аспект политического измерения индигенной проблемы заключается в отношениях, которые связаны с правом коренных народов на пользование землёй и иными природными ресурсами. Именно эти проблемы породили протестное движение «Голос тундры» с громким арктическим и международным резонансом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

индигенность, коренные народы Арктики, «особые» интересы, «Голос тундры».

СТРУКТУРА

[Введение](#)

[Критика основных подходов к изучению проблемы](#)

[Права КМНС на землю и ресурсы: к пониманию подлинных интересов коренных народов Севера](#)

[Выводы](#)

A. Magomedov

Ulyanovsk State University

42 ul. L'va Tolstogo, Ulyanovsk 432000, Russian Federation

INDIGENEITY AS A POLITICAL PROBLEM: UNDERSTANDING THE NATURE OF THE ABORIGINAL INTERESTS IN THE RUSSIAN ARCTIC

ABSTRACT

The author makes an attempt to answer the question about “special” interests of the indigenous peoples of the Russian North. Existing approaches to the study of this problem are subjected to a critical review: representative-political

and legal-normative. The author proves that the key aspect of the political dimension of the indigenous problem is connected with the rights of the indigenous peoples to use land and other natural resources. They were these problems that gave rise to the protest movement “the Voice of tundra” with a loud arctic and international resonance.

KEY WORDS

indigeneity, the indigenous peoples of the Arctic, “special” interests, “the Voice of tundra”

ВВЕДЕНИЕ

Данную статью полезно начать с определения и уточнения ключевого понятия нашей работы – «индигенность». В русском языке и в отечественных социальных науках этот термин начал использоваться всё чаще как эквивалент привычных понятий «коренной народ» и «коренные». Ракурсами интерпретации данного понятия являются такие схожие определения, как «аборигенность», «автохтонность».

В социальной антропологии термин «indigenous people» – «коренные народы» применяется для обозначения недоминантных групп населения, связанных с определённой территорией и обладающих более или менее признанными качествами аборигенности [4].

Особое значение дискурса «индигенности» заключается в том, что он поддерживает и легитимизирует требование специфических прав для коренных народов по принципу «первые по времени – первые по праву». Политической модификацией этого принципа является тезис «возвращение исторических прав» [9, с. 3–4].

КРИТИКА ОСНОВНЫХ ПОДХОДОВ К ИЗУЧЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ

Специфические (особые) права коренных народов получили освещение с двух позиций: политической и юридической. Что касается первого подхода, в российской политической науке исследование индигенности находится в зачаточном состоянии. Юридический аспект проблемы анализируется куда более активно, став отдельным и перспективным направлением исследований. К этому сюжету мы ещё вернёмся, а пока отметим, что в политической науке значимость индигенной проблемы (реализация “особых прав”) принято исследовать через призму политического представительства коренных малочисленных народов Севера (КМНС) в региональных парламентах. В качестве критерия принято рассматривать гарантии представительства (квотная и иная формы) коренных народов в законодательных органах и институтах местного самоуправления областей и округов.

Данный принцип был положен в основу исследования российского учёного П. В. Панова, чья работа открывает весьма короткий список трудов рос-

сийских политологов по индигенной проблематике. Анализируя постсоветскую эволюцию политического представительства аборигенов в региональных парламентах, П. В. Панов делает вывод, что курс на унификацию политической жизни и институтов первого десятилетия XXI в. вступил в конфликт с идеей «особых прав» коренных народов. В конечном счёте, данный курс стал политическим вызовом центральной власти идентичности коренных народов Севера [5, с. 57–58].

Думается, данный вывод звучит слишком облегчённо, поскольку отображает лишь одну сторону жизни КМНС. Во-первых, квотная форма представительства в региональных парламентах автономных округов и органах местного самоуправления, прописанная в ст. 13 федерального закона «О гарантиях прав коренных и малочисленных народов...», сегодня исключена из этого закона (хотя в некоторых случаях продолжает работать).

Во-вторых, независимо от применения избирательного законодательства (от этнических квот 1990-х гг. до одномандатных, пропорциональных и смешанных систем) количество депутатов из числа КМНС, например, в Ямало-Ненецком автономном округе (ЯНАО) не изменилось. Их как было четыре человека во времена действия этнических квот, так и осталось сегодня при смешанной системе (просто сегодня они рекрутируются через систему политических партий). Более того, как прежде, так и сейчас спикером регионального парламента в том же ЯНАО является представитель доминирующего в округе коренного народа – ненцев. До 2018 г. спикером был Сергей Харючи, сегодня им стал Сергей Ямкин.

Другое направление индигенных исследований, как было отмечено, сложилось в правоведении. Оно рассматривает наличие «особых прав» не только через институт политического представительства, но также с помощью специфического российского законодательства о коренных малочисленных народах Севера, которое существует около тридцати лет.

В основных своих чертах данное правовое направление сформировалось с 1993 по 2001 гг. на базе новой Конституции РФ, в которой государство приняло на себя обязательства гарантировать права КМНС в соответствии с нормами международного права и международными договорами России (ст. 69 Конституции РФ). Это был расцвет индигенного правотворчества, когда российские власти приняли три ключевых закона. В качестве основного документа надо отметить федеральный закон № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ» от 30 апреля 1999 г.¹, который не только закрепил правовые основы статуса коренных народов, но и стимулировал создание новых специальных федеральных законов такого рода. К другим наиболее значимым правовым решениям можно отнести закон «Об общих

¹ Федеральный закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://constitution.garant.ru/act/right/180406> (дата обращения: 10.06.2019).

принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»², принятый в 2000 г., а также закон «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»³, принятый в 2001 г. Если говорить коротко и схематично, то многочисленные «аборигенные» законы принимались на федеральном и региональном уровнях – в субъектах федерации. Эти законы собраны и систематизированы в изданиях, подготовленных известным специалистом по индигенному законодательству Владимиром Кряжковым [7, с. 88].

Таким образом, молчаливо считается, что наличие подобного законодательства на федеральном и региональном уровнях означает официальное признание со стороны государства особого правового статуса коренных народов. К сожалению, юристы склонны некритически следовать за нормативной стороной индигенной проблемы, абсолютизируя значение правовой базы как некоей гарантии для реализации особых прав, и достижения реального равенства коренных народов. В частности, они заявляют о том, что официальное признание особого правового статуса коренных народов есть предпосылка особого пути развития аборигенных сообществ и их адаптации к современным условиям [6, с. 114].

Здесь возникает вопрос: действительно ли оба фактора, политическое представительство коренных народов в местных парламентах и принятие особых «индигенных» законов, способны обеспечить реализацию «специфических» прав аборигенного сообщества российского Севера? Особенно если учесть, что современное состояние законодательства о северных народах, по словам признанного корифея в сфере индигенного права В. А. Кряжкова, «характеризуется правовой стагнацией и откатом от прежних позиций» [3, с. 48].

ПРАВА КМНС НА ЗЕМЛЮ И РЕСУРСЫ:

К ПОНИМАНИЮ ПОДЛИННЫХ ИНТЕРЕСОВ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

Сегодня становится очевидно, что ключевой аспект политического измерения индигенной проблемы заключается вовсе не в наличии системы аборигенного права и не в политическом представительстве автохтонных народов в законодательных органах субъектов федерации. Он заключается в ресурсных проблемах и в отношениях, которые связаны с правом коренных народов на пользование землёй и иными природными ресурсами. Тем более

² Федеральный закон от 20.07.2000 № 104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/182356> (дата обращения: 11.06.2019).

³ Федеральный закон от 07.05.2001 № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/1212856> (дата обращения: 11.06.2019).

что именно в отношении этих прав и наблюдается вышеуказанный откат от прежних позиций.

Как отмечает тот же В. А. Кряжков, право на пользование землёй аборигенами признаётся, но не наполняется конкретным юридическим содержанием. Больше того, аборигены лишились права на безвозмездное владение землёй, на получение земельных участков на условиях наследуемого пожизненного владения, на временное пользование сроком до 25 лет для занятия северным оленеводством, на приоритетное природопользование, на различные компенсации. Новые положения современного земельного законодательства, федерального закона о гарантиях прав коренных и малочисленных народов (пп. 1 ч. 1, 2 ст. 8) и федерального закона о территориях традиционного природопользования (ч. 2 ст. 11) смотрятся особенно дискриминационно, если сравнить их с положениями советского Земельного кодекса 1991 г., который действовал в РСФСР [3, с. 53].

Однако это ещё не всё. Частью данной политики можно признать игнорирование российской стороной положений Декларации ООН 2007 г. о правах коренных народов. Хотя Декларация не обладает юридически обязывающим характером, она обладает значительной моральной и политической силой, поскольку предусматривает защиту широкого круга прав аборигенов, среди которых особо следует подчеркнуть право на землю и природные ресурсы и право на самоопределение⁴. Декларация говорит о праве коренных народов на признание их особой и непосредственной связи со своими территориями и землями. Ст. 26–28 данного документа можно назвать основными положениями, закрепляющими беспрецедентные права аборигенов на ресурсы.

Как отмечает казанский правовед Р. Гарипов, «Декларация» обращается к правительствам государств, на территории которых обитают аборигены, с призывом предоставить им по возможности больший контроль над землёй и природными ресурсами, а также консультироваться с коренными народами при выработке проектов, затрагивающих интересы последних [1, с. 67].

Российская Федерация высказала своё несогласие с рядом положений Декларации, в первую очередь по вопросам земли и ресурсов, заявив, что они не отвечают интересам России. Эта позиция российской стороны была изложена министром иностранных дел РФ С. Лавровым в письме бывшему президенту российской Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (АКМНССиДВ) С. Харючи от 5 июня 2006 г. В письме говорится: «Проект Декларации противоречит законодательству Российской Федерации, в котором не предусмотрены права коренных народов на землю, недра, природные ресурсы, право на самоопределение в формах, предложенных международным сообществом» [2, с. 81]. Несмотря на такое заявление, ст. 69 Конституции РФ тем не менее утверждает, что Рос-

⁴ Декларация ООН о правах коренных народов // Московский журнал международного права. 2007. № 4. С. 310–324.

сия гарантирует права коренных аборигенов в соответствии с общепризнанными нормами международного права и международными договорами РФ.

Правового решения не получили вопросы, связанные с этнической идентификацией людей, относящихся к коренным народам Арктики, а также групп, претендующих на включение в коренное сообщество. Об этом с тревогой говорил нынешний президент АКМНССиДВ Г. Ледков Президенту России В. В. Путину во время заседания Совета по межнациональным отношениям в Ханты-Мансийске 26 октября 2018 г.

Таким образом, ни политическое представительство, ни специальная законодательная база не обеспечивают «особых прав» аборигенам в рамках национального государства, особенно в рамках осуществляемой государством протекционистской политики в отношении коренных народов.

Здесь мы подошли к главному пункту нашего исследования. Если специалистами признаётся, что в отношении коренных народов требуется особый подход и что аборигенные интересы необходимо учитывать, возникает закономерный вопрос: в чём заключаются эти интересы и какова их природа? Как понимаются обладание и реализация особых прав коренных народов самими аборигенами и государством?

Как выясняется, фундамент этих интересов – земля. Государство хочет контролировать коренные сообщества и проводить в отношении них патерналистскую политику. Коренные народы в лице их лидеров хотят быть равноправными претендентами на землю и ресурсы. Бывший вице-президент российской АКМНССиДВ Родион Суляндзига так охарактеризовал отношения по линии «государство – аборигены»: «Разговоры о пенсиях, квотах, алкоголе сегодня важны. Но мы не инвалиды, и всякие речи о льготах и привилегиях выгодны власти и уводят от фундаментальных нерешаемых сегодня проблем. Нам нужно, чтобы государство понимало нас и нашу жизнь с природой, чтобы нам дали право выбора дальнейшего развития и соблюдали российское и международное право. Сегодня из федерального законодательства выхолощены все базовые права коренных народов (приоритетное право и доступ к биоресурсам, безвозмездное и бессрочное пользование землями и многое другое)» [8]. По мнению чукотского активиста, советника губернатора Чукотского АО В. Етылина, «решение земельных вопросов в интересах КМНС практически приостановлено. Мы хотим, чтобы коренные малочисленные народы стали полноправными участниками всех социально-политических и этнокультурных процессов в стране»⁵.

Обращённость к территориальности является одним из основных критериев аборигенности коренных народов. Локализм утверждается как способ защиты перед лицом стремительно нарастающих глобальных угроз в

---

⁵ «Олени-тюлени» и северные страсти. Итоги съезда в Салехарде устроили далеко не всех представителей коренных народов // Национальный акцент: [сайт]. [2013]. URL: <https://nazaccent.ru/content/7523-oleni-tyuleni-i-severnye-strasti.html> (дата обращения: 11.06.2019).

лице международных энергетических и транспортных проектов. Как пишет М. С. Куропятник, «по прогнозам специалистов, в ближайшем будущем борьба коренных народов за землю может стать самым крупным источником этнических конфликтов в мире» [4, с. 167].

Для коренных народов принцип общности с территорией означает не только восприятие земли как ресурса, т. е. как экономического актива. Он подчёркивает стремление к сохранению их культуры и традиционного социального устройства. Принцип общности с территорией и локальная самоидентификация порождают напряжённость в отношениях по линии «государство – коренной народ». Потому что в основе этой напряжённости лежит конфликт за землю. В частности, о драматическом конфликте между компанией «Лукойл-Западная Сибирь» и оленеводами ханты из рода Айпиных в ХМАО по поводу оленьих пастбищ и священных мест аборигенов, отошедших компании по результатам аукциона, писали многие СМИ⁶. Локальность коренных народов определяется сильной территориальной идентичностью, исторической привязанностью к исконным землям. Потеря или угроза потери последних обостряет и актуализирует коренную идентичность настолько, что, как писали зарубежные исследователи, изучавшие схожие проблемы на примере Норвегии, Канады, Австралии, самоидентификация с территорией представляет собой «анафему логике современной политической экономики» [10, р. 7].

ВЫВОДЫ

Таким образом, как показал наш анализ, а также проведённое автором в ЯНАО в октябре 2018 г. исследование в рамках научного проекта «Растущие голоса коренных народов Арктики», образ жизни и аборигенность твёрдо связаны с территориальным пространством: тундрой, родовыми пастбищами, маршрутами кочевий. Аборигенность не только связана с территориальной общностью, но, как подчёркивал американский исследователь Р. Пэйн, «территориальная общность становится для её членов ресурсом для интерпретативного созидания» [12, р. 53].

Современные процессы в российской аборигенной среде с потрясающей точностью доказали правоту данного вывода. События в ямальской тундре 2013–2016 гг. и 2018 г. стали беспрецедентным явлением в жизни коренных народов российской Арктики. Они были связаны с выходом на политическую арену ЯНАО массового протестного сообщества «Голос тундры», организованного по сетевому принципу.

Первой отличительной особенностью этой группы стало то, что протест-

---

⁶ Ханты из рода Айпиных требуют от Лукойла прекратить осквернение святых мест и не губить природу. Конфликт вышел в интернет// Знак. Электронная газета. [2013]. URL: https://www.znak.com/2013-02-21/hanty_iz_roda_aypinyh_trebuyut_ot_lukoila_prekratit_oskvernenie_svyatyh_mest_i_ne_gubit_prorodu_konf (дата обращения: 12.06.2019).

ная мобилизация членов движения осуществляется через социальную сеть «ВКонтакте». Второй особенностью является то, что лидером движения стал не городской активист, а молодой оленевод-частник из тундры Ейко Сэротэтто. Лидеры и активисты «Голоса тундры» подчёркивали разрушительные последствия в отношении коренных сообществ со стороны работающих в российской Арктике нефтегазовых корпораций. Ейко Сэротэтто разместил в соцсетях петицию на имя Президента России о проблеме сохранения поголовья оленей, с жалобой на ущемление прав аборигенов и обвинением в адрес чиновников профильного департамента в том, что они не знают настоящей жизни тундровиков. Далее была размещена петиция «Сохранить дом ненцев, и найти решение устранения проблем, в бурное освоение севера», направленная против нефте-газодобычи. В ней говорилось, что сокращение числа оленей выгодно газодобывающей отрасли, так как кочевники и их олени являются последним препятствием для крупных нефтегазовых компаний⁷.

Проект «Голос тундры» показал всем, что коренные сообщества представляют собой силу. Они способны на политический протест и выдвижение социальных требований. Способом передачи индигенного голоса и местных аборигенных тревог стали новые медиа. Создание с их помощью коммуникативной сети превратило «Голос тундры» в громкое публичное движение регионального уровня с общероссийским и международным резонансом [11].

Данные события и процессы свидетельствуют о том, что индигенная проблематика, долгое время остававшаяся на периферии отечественной политической науки, нуждается в серьёзных и новаторских исследованиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гарипов Р. Ш. Шестая сессия Постоянного Форума ООН по вопросам коренных народов // Казанский журнал международного права и международных отношений. 2007. № 1. С. 67–76.
2. Гудыма А. П. Субъектность коренных народов Севера России: основания развития // Коренные народы Ямала в современном мире: Сценарии и концепции развития: тематический сборник / под ред. Ю. П. Попкова. Новосибирск, Салехард: Нонпарель, 2007. С. 81–92.
3. Кряжков В. А. Законодательство о коренных малочисленных народах Севера: современное состояние и пути совершенствования // Современное состояние и пути развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации / под общ. ред. В. А. Штырова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Совета Федерации, 2013. С. 48–58.
4. Куропятник М. С. От стигмы к самоутверждению: понятие “коренной на-

⁷ Сохранить дом ненцев, и найти решение устранения проблем, в бурное освоение севера // www.change.org : [сайт]. URL: <https://www.change.org/p/президент-россии-сохранить-дом-ненцев-и-найти-решение-устранения-проблем-в-бурное-освоение-севера> (дата обращения: 10.06.2019).

- род” в современном дискурсе // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. 5. № 1. С. 164–165.
5. Панов П. В. Институты и практики специального представительства коренных народов Севера в региональных парламентах // Власть. 2013. № 10. С. 54–58.
6. Попков Ю. В. Коренные народы Севера в условиях глобализации // Век глобализации. 2014. № 1. С. 111–123.
7. Статус коренных малочисленных народов России. Международные правовые акты и российское законодательство: сборник. Кн. IV / сост. В. А. Кряжков. М., 2007.
8. Тарасов А. Народ только мешает: впервые об этом заявлено открыто // Новая газета: [сайт]. [2012]. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2012/11/15/52362> (дата обращения: 10.06.2019).
9. Colchester M. Sharing Power. Dams, Indigenous Peoples and Ethnic Minorities // Indigenous Affairs. 1999. № 4. P. 3–16.
10. Dyck N. Indigenous peoples and nation-state: “Forth World” politics in Canada, Australia and Norway / ed. N. Dyck. Newfoundland: Memorial University of Newfoundland, 1985. 264 p.
11. Magomedov A. Oil Derricks or Reindeer? A Clash of Economics and Traditional Lifeway in Russia’s Far North [Электронный ресурс] // The Russia File. [2019]. URL: <https://www.wilsoncenter.org/blog-post/oil-derricks-or-reindeer-clash-economics-and-traditional-lifeway-russian-far-north> (дата обращения: 10.06.2019).
12. Paine R. The Claim of the Fourth World // Native Power / ed. J. Brosted. Oslo, 1985. P. 53–69.

REFERENCES

1. Garipov R. Sh. [Sixth session of the UN Permanent Forum on indigenous issues]. In: *Kazanskii zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh ot-noshenii* [Kazan Journal of International Law and International Relations], 2007, no. 1, pp. 67–76.
2. Gudyma A. P. [The subjectivity of the indigenous peoples of Northern Russia: foundations of development]. In: Popkov Yu. P., ed. *Korennye narody Yamala v sovremennom mire: Stsenarii i kontseptsii razvitiya* [Indigenous peoples of Yamal in the modern world: Scenarios and concepts of development]. Novosibirsk, Salekhard, Nonparel’ Publ., 2007, pp. 81–92.
3. Kryazhkov V. A. [Legislation on small indigenous peoples of the North: modern state and ways of improvement]. In: Shtyrov V. A., ed. *Sovremennoe sostoyani-e i puti razvitiya korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal’nego Vostoka Rossiiskoi Federatsii* [Modern state and ways of development of the indigenous minorities of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation]. Moscow, Federation Council Edition Publ., 2013, pp. 48–58.
4. Kuropyatnik M. S. [From stigma to self-assertion: the concept of “indigenous people” in modern discourse]. In: *Zhurnal sotsiologii i sotsial’noi antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2002, vol. 5, no. 1, pp. 164–165.
5. Panov P. V. [The institutions and practices of the special representation of in-

- indigenous peoples in the regional parliaments]. In: *Vlast'* [Power], 2013, no. 10, pp. 54–58.
6. Popkov Yu. V. [The Indigenous peoples of the North in the conditions of globalization]. In: *Vek globalizatsii* [Age of globalization] 2014, no. 1, pp. 111–123.
7. Kryazhkov V. A., comp. *Status korennykh malochislennykh narodov Rossii. Mezhdunarodnye pravovye akty i rossiiskoe zakonodatel'stvo. Kn. IV* [The status of the indigenous peoples of Russia. International legal acts and Russian legislation. B. IV]. Moscow, 2007.
8. Tarasov A. [People just impede: it has been stated opened for the first time]. In: *Novaya gazeta* [Novaya gazeta], 2012. Available at: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2012/11/15/52362> (accessed: 10.06.2019).
9. Colchester M. Sharing Power. Dams, Indigenous Peoples and Ethnic Minorities. In: *Indigenous Affairs*, 1999, no. 4, pp. 3–16.
10. Dyck N. Indigenous peoples and nation-state: "Forth World" politics in Canada, Australia and Norway. Newfoundland, Memorial University of Newfoundland, 1985. 264 p.
11. Magomedov A. Oil Derricks or Reindeer? A Clash of Economics and Traditional Lifeway in Russia's Far North. In: *The Russia File*, 2019. Available at: <https://www.wilsoncenter.org/blog-post/oil-derricks-or-reindeer-clash-economics-and-traditional-lifeway-russian-far-north> (accessed: 10.06.2019).
12. Paine R. The Claim of the Fourth World. In: Brosted J., ed. *Native Power*. Oslo, 1985, pp. 53–69.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 26.06.2019

Статья размещена на сайте: 17.07.2019

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Магомедов Арбахан Курбанович – доктор политических наук, профессор, декан факультета культуры и искусства Ульяновского государственного университета; e-mail: armagomedov@gmail.com

Arbakhan K. Magomedov – Doctor of Political Sciences, Professor, Dean at the Faculty of Culture and Art, Ulyanovsk State University; e-mail: armagomedov@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Магомедов А. К. Индигенность как политическая проблема: к пониманию природы аборигенных интересов в российской Арктике // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2019. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru

Magomedov A. K. Indigeneity as a Political Problem: Understanding the Nature of the Aboriginal Interests in the Russian Arctic. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2019, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru